

Разделенный город: генпланы и реальность в развитии Нового Уренгоя в 1970– 1980-е годы

Максим Мочалин

Городское планирование при социализме

В последние годы ученые все чаще обращаются к истории социалистического градостроительства как к способу осмысления прошлого стран Восточного блока [Sammartino, 2023, p. 1404–1405]. Благодаря изучению и анализу практик городского планирования представляется возможность оценить влияние генеральных планов на пространственное развитие социалистических городов. Исследователи изучают феномен планирования в соцстранах в попытках найти подходы, актуальные для современного городского строительства [Milojevic, Kuvac, 2023, p. 51; Engel, 2022, p. 675]. Авторами неоднократно отмечалось, что в наши дни градостроительство в бывших странах «народной демократии» до сих пор продолжает развивать практики, унаследованные от социалистического периода [Tandarić, 2019, s. 39]. Междисциплинарный анализ истории городского планирования зачастую основывается на поиске неких общих тенденций и особенностей, определявших пути развития социалистических городов [Ильченко, 2016, с. 56–57]. В центре внимания таких исследований нередко находится проблематика градостроительного дискурса, который воспроизводился в планировочной документации, преимущественно в генпланах. Анализ этого дискурса является немаловажным фактором для осмысления и переоценки результатов творческой деятельности советских архитекторов.

Ученые зачастую рассматривают советские генпланы как источник, свидетельствующий об особенностях и специфике социалистического городского планирования и градостроительной культуры в целом.

Мочалин Максим Сергеевич, аспирант кафедры истории, Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: mochaln732@mail.ru

В статье раскрывается история эволюции генеральных планов города Новый Уренгой в 1970–1980-е годы. В начале работы описываются основные точки зрения на городское планирование при социализме и проблема незавершенности строительства советских городов. Опираясь в первую очередь на интерпретацию городского планирования в СССР как акта перформанса, автор описывает частую корректировку генеральных планов Нового Уренгоя. С точки зрения современников-проектировщиков, разработка новых генпланов обуславливалась перерасчетами численности населения города. Однако автор статьи подчеркивает, что постоянная незавершенность, подталкивающая к корректировке генпланов, была скорее проявлением практики и образа жизни в городском строительстве и планировании, феноменом постоянной импровизации. Также в статье показана эволюция градостроительного дискурса при проектировании Нового Уренгоя, где со временем усиливался поворот к человеку и экологии, но при этом не снималось противоречие между проектами города, которые подразумевали многоэтажную капитальную застройку и озеленение, и реальной стихийной средой города газовиков.

Ключевые слова: Новый Уренгой; генеральный план; Гипрогор; городское планирование; градостроительство

Цитирование: Мочалин М.С. (2024) Разделенный город: генпланы и реальность в развитии Нового Уренгоя в 1970–1980-е годы // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 121–133. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024121-133>

Так, изучая проекты реконструкции Москвы в первые годы советской власти, историк архитектуры Галина Яковлева отмечает, что советское городское планирование во многом находилось под влиянием культуры эпохи социализма [Яковлева, 2018, с. 292]. Исследовательница констатирует, что «каждый этап проектирования – это этап советской культуры» [Там же]. Она предлагает обратить внимание на социалистические генпланы как на источник, отражающий элементы и специфику архитектуры советского периода: «история планов развития Москвы (вплоть до 1970-х гг.) – это концентрированная история советской культуры» [Там же].

Исследователи истории архитектуры отмечают тенденцию некоего подражания генпланов советских провинциальных городов опыту столичного планирования [Старостенко, 2018, с. 356, 358]. Такое положение дел способствовало однообразию и дублированию приемов строительства в городах СССР. Это могло объясняться тем, что планированием городов в Советском Союзе во многом занимались крупные столичные проектные институты, из-за чего повторение в проектах застройки и реконструкции городов становилось практически неизбежным [Там же, с. 358]. Однако были и исключения. Некоторые города имели свои местные проектные организации. Так, в советском Львове с 1940 года действовал филиал Государственного института городского проектирования, который принимал участие при разработке генплана города [Otrishchenko, 2023, p. 260]. Аналогичный подход был реализован в социалистической Хорватии в послевоенный период: в Загребе, Сплите и Риеке организовывались филиалы Хорватского института городского планирования (UPIC) [Tandarić, 2019, s. 12]. Очевидно, что подобная практика способствовала более эффективному планированию, учитывающему местные градостроительные особенности и специфику конкретного города.

Еще одним важным аспектом исследований является сам процесс городского проектирования и разработки советского генплана. Так, в своих исследованиях историк архитектуры Евгения Конышева указывает на то, что формирование городской структуры соцгородов проходило синхронно с разработкой генпланов, из-за чего нередко возникала проблема отсутствия архитектурно-планировочного единства и целостности пространства го-

рода [Конышева, 2008, с. 236]. В 1930-е годы процесс планирования соцгородов-новостроек сопровождался постоянно меняющимися условиями и обстоятельствами городского строительства. Так, историк Александр Думчиков описывает, как в связи с изменением показателей народно-хозяйственного плана и административно-территориальными переменами местным проектным организациям не удавалось завершить составление генплана города Свердловска в течение десятилетия [Думчиков, 2023, с. 37–44]. Примером данного явления является кейс городского планирования в Хорватии времен социализма, где из-за постоянных реформ и корректировок в сфере градостроительного законодательства «городское планирование практиковалось в постоянно меняющихся условиях» [Tandarić, 2019, s. 37].

Известный исследователь советского градостроительства Марк Меерович утверждал, что неконтролируемая миграция и частый пересмотр Госпланом СССР расчетных показателей численности населения новых промышленных городов вынуждали советских архитекторов непрерывно корректировать утвержденные генпланы. Меерович был убежден, что в Советском Союзе «сфера проектирования вслед за официальной идеологией исходила из принципа: не следовать сложившимся условиям, а преобразовывать их и формировать ту среду, которая нужна» [Меерович, 2018, с. 931]. Иными словами, планирование и строительство городов в СССР 1920–1930-х годов зачастую во многом развивалось стихийно, вне каких-либо утвержденных инструкций и правил. Историк отечественной архитектуры Юлия Косенкова указывает, что «слабость государственной системы руководства застройкой городов проявилась уже в первые годы советской власти» [Косенкова, 2018, с. 19]. Более того, само советское градостроительное законодательство в данный период находилось еще на стадии своего становления [Вайтенс, 2006, с. 98–99].

Американская исследовательница Кристина Э. Кроуфорд выдвигает тезис о том, что в практике советского городского планирования именно контекстуальные условия строительства определяли дизайн будущего города. Нередко физические реалии соцгородов-новостроек стояли на пути реализации многих архитектурных решений [Crawford, 2022, p. 184]. По мнению Хизер ДеХаан, градостроительная

реальность 1930-х годов служила предпосылкой для некоего архитектурного «перформанса», своего рода творческого акта импровизации советских архитекторов при разработке генеральных планов социалистических городов [DeHaan, 2013, p. 102–103]. Стихийность и несистемность планирования в виде сиюминутных архитектурных решений, вероятно, в большинстве случаев приводила к неудачам в осуществлении многих градостроительных проектов.

Проблема незавершенности

Особенно интересна исследовательская оптика, позиционирующая понятие *незавершенности* в качестве отличительной черты социалистического строительства. ДеХаан рассматривает проблему незавершенности и нереализованности советских градостроительных проектов, используя в качестве примера историю проектирования и строительства города Горький. Исследовательница приводит высказывание директора горьковского Парка культуры и отдыха в Сормово: «Градостроительный план не соответствовал повседневным потребностям горожан в настоящем времени. Его (генплана. – М. М.) амбиции были слишком широки, а технологические требования – слишком высокими» [DeHaan, 2013, p. 164]. Иными словами, ДеХаан указывает на то, что местным городским властям не хватало административных и финансовых инструментов, необходимых для осуществления строительства согласно разработанному генплану. Немецкий историк Томас Бон также считал, что нереализованность реконструкции Минска была обусловлена высокой миграцией и дороговизной строительства [Бон, 2013, с. 106, 154]. По мнению норвежского архитектора Питера Хеммерсама, несмотря на расчетливость и прагматичность советского городского планирования в Арктике, фактическое развитие северных городов часто оказывалось ошибочным и неверным. В связи с этим строительство социалистических городов на Крайнем Севере нередко оставалось незавершенным или вовсе нереализованным [Hemmersam, 2021, p. 70].

Схожую проблему в отечественной историографии рассматривали авторы Юлия Мылова и Николай Крадин. Основываясь на исследовании кейса города Комсомольска-на-Амуре, они пришли к выводу, что причиной незавершенности возведения города являлись утопичность

проектов и несоответствие планов и реальности самого городского строительства [Мылова, Крадин, 2014, с. 365]. Американский исследователь Марк Д. Стейнберг рассматривает историю раннего советского градостроительства и архитектуры через концепцию «утопии». Ученый полагает, что «архитектура и утопия долгое время были союзниками; они вместе боролись за преодоление материальных ограничений жизни такой, какой она являлась» [Steinberg, 2021, p. 428]. Отечественные историки Ксения Пименова и Александр Думчиков описывали нереализованное строительство Уралхиммаш-строя с помощью категорий *shelf-* или *zombie-projects*, заимствованных у Э. Карс и Д. Ниса и отражающих невоплощенность идей [Думчиков, Пименова, 2023, с. 1458]. В своем исследовании они также отмечали влияние нереализованного архитектурного проекта на развитие топосов, а также указывали на тот факт, что образ невоплощенной стройки продолжал жить в пространстве дискурса [Думчиков, Пименова, 2023, с. 1448, 1459].

В своих исследованиях архитектор Сергей Духанов характеризует проблему незавершенности и нереализованности советских градостроительных проектов через призму закономерных явлений, присущих социалистическому городскому планированию [Духанов, 2017, с. 51–52]. Так, основываясь на архивных источниках, автор утверждает, что стоимость строительства новых городов была выше стоимости возведения их градообразующих предприятий [Там же]. В связи с чем феномен недостроенного города в Западной Сибири 1930-х годов во многом был характерным и закономерным явлением для советской практики градостроительства тех лет.

Историк Михаил Ильченко предлагает нам отказаться от определения понятия незавершенности как показателя для оценки реализации генплана, так как, по мнению автора, феномен советского градостроительства оказывается настолько сложным и многогранным явлением, что его просто невозможно рассматривать с точки зрения устоявшихся норм и стандартов [Ильченко, 2017, с. 73].

По большому счету, проблема нереализованных и несовершенных социалистических проектов городского строительства чаще всего учеными представляется как атрибут или особенность развития советского города. В настоящей статье мы предлагаем проанализи-

зировать один кейс такой незавершенности советского города. Речь пойдет об эволюции архитектурно-планировочного городского пространства и градостроительного дискурса при разработке генпланов города Новый Уренгой в период нефтегазового освоения Ямало-Ненецкого округа в 1970–1980-е годы.

Генпланы эпохи социализма служат ценным источником для выявления и анализа проявления градостроительного дискурса. Во многом именно генеральные планы наиболее информативно отражают доминирующий дискурс планировщиков относительно проектов городского развития. Исследование развития градостроительной мысли посредством анализа эволюции генпланов и проектов детальных планировок позволит нам сделать выводы о том, как воспринимался образ северного города в проектах архитекторов и каковы были замыслы планировщиков касательно дальнейшего архитектурно-планировочного развития Нового Уренгоя. Архитектурно-проектная документация в данном случае выступает в роли некоего свидетельства об условном дискурсивном языке узкой группы профильных специалистов, определявших будущий облик городского пространства.

Отличительной архитектурно-планировочной особенностью Нового Уренгоя является его размещение на двух площадках между рекой Седэ-Яха. Эта проектируемая и реальная разделенность городского пространства обусловлена не только географическим положением, но и активным градостроительным развитием Нового Уренгоя в годы интенсивного ресурсного освоения региона¹. Но город ямальских газодобытчиков отличало не только специфическое территориальное расположение. В большинстве своем в градостроительной истории Нового Уренгоя также присутствовала некая двойственность, выраженная в проблеме расхождения между планированием и строительством города. Иными словами, реальность строительства Нового Уренгоя была несколько отдалена от проектов и планов архитекторов, предусматривающих комплексное развитие города согласно утвержденной системе расселения. Поэтому в статье мы и используем метафору разделенного города, подчеркивающую реальную фрагментированность пространства Нового

Уренгоя на две основные площадки, а также несоответствие реального строительства проектным идеям.

Первые генпланы Нового Уренгоя

Создание города Новый Уренгой было обусловлено необходимостью в добыче газа на Уренгойском месторождении, открытом 6 июня 1966 года бригадой В.П. Полупанова [Колева, 2022, с. 150]. Идея возведения города при промысле была озвучена еще в 1968 году на конференции по проблемам градостроительства в газодобывающих районах Тюменской области [Фейгина, 1968, с. 21]. Так, согласно принятой системе «централизованного» варианта расселения, предполагалось возвести один большой город в пределах Ямало-Ненецкого округа для всех групп месторождений, которые предстояло эксплуатировать с помощью вахтовых поселков [Стась, 2014, с. 138]. Намеченным планам суждено было сбыться только спустя 5 лет, в декабре 1973 года, когда из поселка Пангоды направилась автотракторная колонна для обустройства в Пуровском районе базы газодобытчиков при Уренгойском месторождении [Колева, 2022, с. 210].

В 1974 году в связи с обустройством и эксплуатацией Уренгойского газового месторождения Государственный институт проектирования городов (Гипрогор) разработал генеральный план города Уренгоя. Официально генплан был утвержден решением Тюменского облисполкома в сентябре 1974 года. Численность населения предусматривалась на расчетный срок 25–30 лет 30 тыс. человек и 18 тыс. человек до 1980 года [Стась, 2014, с. 142]. Генеральный план рассматривал дальнейшее развитие населенного пункта как промышленного центра добычи газа в Тюменской области. Отдельно стоит отметить, что в плане уже было заложено четкое функциональное зонирование территории с выделением селитебных и промышленно-коммунальных зон². Согласно генплану, намеченная территория позволяла разместить требуемые объемы жилищно-гражданского и промышленного строительства с обеспечением необходимого резерва [Отрадных, 2004, с. 214]. Генплан предполагал возведение капитального жилья в 4, 9 и 12 этажей, а также наличие полного инженерного оборудования

1. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 72.

2. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 150.

и благоустройства. Немаловажным является тот факт, что окружным и областным руководством было принято решение о строительстве в первую очередь культурно-бытовых и спортивных учреждений в городе³.

В целом первый генплан Нового Уренгоя демонстрирует подход советского государства к освоению региона в контексте уже упомянутого «централизованного» варианта расселения [Стась, 2013а, с. 102–103], суть которого заключалась в возведении базового города до 80 тыс. человек на весь район газодобычи [Стась, 2014, с. 134]. Руководство округа и области избегало идеи создания временного поселения, а, напротив, выступало за строительство капитального и благоустроенного базового города для дальнейшего промышленного освоения Уренгойского месторождения. Тем не менее генплан 1974 года в полной мере так и не был реализован. Во многом причиной срыва явился массовый стихийный самострой, который привел к тому, что поселок разрастался быстрыми темпами⁴. Также до конца 1970-х годов в Новом Уренгое практически не велось капитального строительства, что было недопустимо в рамках принятого генплана. Например, авторы Виктор Карпов и Галина Колева указывают, что пересмотр перспектив развития города был напрямую связан с переоценкой утвержденных запасов Уренгойского месторождения, что впоследствии влекло к перерасчету прогнозируемого количества горожан в сторону увеличения [Карпов, Колева, 2011, с. 141].

Спустя пять лет, в 1979 году, Тюменским облисполкомом был утвержден новый генеральный план Нового Уренгоя⁵, в разработке которого принимал участие проектный институт Гипрогор. В связи с прогнозировавшимся ростом численности населения до 70 тыс. жителей на расчетный срок в 25–30 лет было принято решение о корректировке генерального плана 1974 года⁶. Как уже было сказано, с точки зрения Марка Мееровича, пересмотр роста численности горожан был основной причиной разработки новых генпланов. В случае с Новым Уренгоем

об этом же говорили и сами проектировщики.

Второй план города предполагал размещение под массовое жилищное строительство в наиболее благоприятных в природном и градостроительном отношениях территориях с увеличением площади городской застройки до 500 га на первую очередь строительства и 1005 га – к концу расчетного срока. Архитектурно-планировочное решение было направлено на развитие и улучшение планировочной структуры города с учетом сложившихся градостроительных факторов и природных условий⁷. При капитальной застройке города авторами генплана планировалось применять серию дома 111–112, которую выпускал Надымский домостроительный комбинат (Надымский ДСК). Данная серия позволяла осуществлять жилищное строительство в Новом Уренгое с учетом всех необходимых градостроительных требований, применяемых к городам, возводимым в северных широтах⁸. В проектах обращалось внимание на то, что архитекторы стремились улучшить планировочную структуру города в соответствии с климатическими условиями Крайнего Севера.

По большому счету, второй генеральный план Нового Уренгоя просто продолжал положения и традиции предыдущего плана города. Авторы генплана, как и прежде, следовали идее создания базового города, но рассчитанного уже не на 30 тыс. человек, а на 80 тыс. жителей в период реализации проекта. Единственное, что делало генплан 1979 года по-настоящему новым, так это развитие градостроительного дискурса в сторону возведения жилых домов с учетом природно-климатических условий региона. В целом генеральный план 1979 года, скорее, стоит рассматривать как стандартную корректировку предыдущего плана, а не как некое архитектурное новшество, предлагавшее совершенно новые подходы и концепции в практике планирования города.

Таким образом, первые планы градостроительного развития Нового Уренгоя отражали общий дискурс планировщиков о необходимости возведения базового города близ месторождения. Градостроительный дискурс Нового Уренгоя 1970-х

3. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 152–153.

4. Архив города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 129.

5. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 193.

6. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 130.

7. Там же.

8. Там же.

годов развивался в логике поиска и выработки более свершенных и удачных рецептов архитектурно-планировочного развития северного города. Это в конечном итоге привело к утверждению в градостроительных документах идеи о необходимости возведения капитального жилья с учетом местных климатических условий региона.

Однако реальность Нового Уренгоя была очень далека от проектов архитекторов, предусматривавших превращение маленького поселка в крупный благоустроенный и комфортный город ямальных газодобытчиков. Так, например, к началу 1979 года в поселке проживало 8,5 тыс. человек. На тот момент жилищный фонд был представлен малоэтажными деревянными домами. Полностью отсутствовало капитальное многоэтажное строительство, имело место возведение в значительном объеме временных поселков, вагон-городков и балков на территориях, предназначенных для капитальной жилой застройки⁹. Отставало строительство объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства и организация благоустройства. Отмечалось наличие прецедентов незаконного строительства. Например, в западной части поселка был возведен аэродром класса «В», который не был ранее предусмотрен в генплане Нового Уренгоя¹⁰. Подобные акты стихийного строительства препятствовали планомерному территориальному росту города согласно намеченному плану развития.

Поворот к человеку в разделенном городе

Спустя всего лишь три года, в 1982 году, руководством Тюменской области был принят новый, по счету уже третий, генплан города, разработанный все тем же проектным институтом Гипрогор¹¹. Согласно пояснительной записке, причиной принятия нового плана Нового Уренгоя стало прогнозируемое увеличение объемов добычи газа (до 250 млрд м³)¹², следовательно, и рост численности градостроительской группы населения. Что опять же подтверждает объяснение Меевича.

Авторами нового генплана выступили архитекторы М. Г. Савидова, А. Н. Отраднов, Т. Г. Джейранашвили, Э. Я. Фейгина и М. Г. Крестмейн. В плане 1982 года явно прослеживалась тенденция адаптивности к климату Крайнего Севера. Внутри архитектурно-планировочного проекта стала доминировать новая риторика, посвященная созданию системы пешеходных пространств в центральной части города. По мнению планировщиков, пешеходные зоны должны были представлять пассажи и небольшие площадки, галереи и зимние сады, а также бульвары вдоль фасадов улиц-пассажей для прогулок в теплое время года.

Возможно, что это решение было не просто нетипичным подходом советских архитекторов к планированию и застройке северного города. В этом проекте мы также можем наблюдать проявление советского идеологического дискурса о подчинении природы интересам человека [Калеменева, 2017, с. 93–94], который в данном случае выражался в стремлении планировщиков уберечь горожан от влияния сурового ямальского климата. Историк Екатерина Калеменева пишет, что в 1950-е годы внутри общественного дискурса начинала доминировать условная «формула», которая предполагала, что рабочие Севера должны иметь аналогичные или даже более привилегированные жилищные условия, чем жители других регионов страны. В связи с этим советским архитекторам предстояло разработать проекты северных городов, учитывающих влияние климата на повседневную жизнь человека [Kalemeneva, 2019, p. 440–441].

Данный генплан предполагал развитие города на двух площадках, разделенных широкой поймой реки Седэ-Яха. Проектировщики определили северную площадку Нового Уренгоя как территорию, которая должна была выполнять функции городского центра, а также выступать новой архитектурной доминантой города¹³. Северная жилая площадка предназначалась для размещения капитального средне- и многоэтажного жилья. Разработчики нового генерального плана Нового Уренгоя отмечали, что градостроительная ситуация крайне неблагоприятна, так как город изначально размещался на малопригодной

9. Там же. Л. 129.

10. Там же.

11. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 2 об.

12. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 5.

13. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 72.



Рис. 1. Генеральный план Нового Уренгоя 1982 г. Основной чертёж
Источник: ГБУТО ГАТО. Ф.Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 74.

для строительства территории, ввиду чего было решено расположить часть новых микрорайонов города на противоположном берегу реки Седэ-Яха.

Новый подход планировщиков во многом определил будущую разделенность внутренней структуры города. Как отмечали сами архитекторы, отрицательной стороной данного архитектурно-планировочного решения являлось нарушение принципа компактности городской застройки, что было крайне нежелательным для суровых климатических условий ЯНАО¹⁴. Стоит заметить, что в проекте также достаточно большое внимание уделялось территории, которая разделяла два района, то есть пойме рек Седэ-Яха и Ева-Яха. Планировщики поставили цель по превращению пойменной зоны в важный структурно связующий элемент. В проекте эта территория трактовалась как городская зеленая зона отдыха¹⁵.

Но реальное положение дел в процессе застройки города сильно отличалось от намеченных планов. Как свидетельствует городская газета «Правда Севера», в начале 1980-х годов три четверти горожан

проживало в неблагоустроенном жилье, представленном в виде вагончиков и двухэтажных деревянных домов¹⁶. Главный архитектор Нового Уренгоя И. Казебрид сообщал: «Уренгой уже сейчас занимает солидную площадь: 14 километров в длину, 4 километра в ширину... Но среди тысяч гектаров пока нет ни одного клочка благоустроенной территории»¹⁷. Впоследствии для анализа медленных темпов жилищно-гражданского строительства в городе даже была привлечена комиссия Госгражданстроя [Колева, 2007, с. 242].

Итак, третий генплан демонстрировал подход планировщиков, нацеленный на совершенствование городского пространства, адаптированного к климатическим условиям проектируемого города. Генплан 1982 года (рис. 1) является первым планом Нового Уренгоя, в котором архитекторами были заложены зеленые рекреационные зоны, что в первую очередь указывает нам на высказанный Екатериной Калеменовой поворот к человеку, воплощенный в стремлении повышения уровня благоустройства в строящемся городе.

Вместе с тем, сопоставив планы и реальность города, можно сделать выводы о том, что Новый Уренгой существовал как бы в двух разделенных измерениях. С одной стороны, город в макетах архитекторов и на страницах генпланов – хорошо спланированный, благоустроенный и самостоятельный городской организм. С другой же стороны, Новый Уренгой – реальный, являвшийся деструктивным и нецелостным городским пространством, в котором к тому же практически отсутствовало капитальное и благоустроенное жилье как таковое.

В 1987 году Гипрогор разработал новый генеральный план города Нового Уренгоя (рис. 2) на 200 тыс. человек. Создание нового генплана было вызвано все той же отмечаемой в источниках причиной – стремительным ростом численности жителей города. В новом проекте рассчитывалось, что уже к 1990 году население Нового Уренгоя будет составлять 150 тыс. человек¹⁸. Этот рост прогнозировался в том числе в связи с открытием и обустройством крупного Ямбургского газового ме-

14. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 71.

15. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 304. Л. 73.

16. Центральная пресса о нашем городе // Правда Севера. 1981. 27 октября. № 113.

17. Там же.

18. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 6658. Л. 13.



Рис. 2. Генеральный план Нового Уренгоя 1987 г. Очередность строительства районов города
Источник: ГБУТО ГАТО. Ф.Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 198.

сторождения¹⁹. В генплане указывалось, что дальнейшее расширение и развитие города должно было происходить на Северной площадке, которая, по замыслу архитекторов, была более удачной и перспективной для высокоэтажной микрорайонной застройки.

В новом генплане, как и в предыдущем, получила дальнейшее продвижение идея о строительстве системы крытых переходов и галерей, которые были призваны оградить горожан от холода и ветра в зимнее время года. Так, один из авторов генерального плана М. Г. Савидова сообщала, что главная улица города будет создана в виде пассажа (по аналогии с известным Петровским пассажем в Москве), который должен был протянуться на полтора километра [Трутнев, 1989, с. 149].

Одновременно с этим планировщики делали акцент на сохранении существующей

растительности в черте города: проектом предусматривалось создание системы зеленых насаждений общего пользования — садов, скверов и бульваров. Основным зеленым ядром в системе озеленения города намечался парк в пойменной части рек Седэ-Яха и Томчаруяха, мысль о создании которого была прописана еще в предыдущем генплане 1982 года. Эта парковая территория планировалась как связующая зона между южной и северной частями города²⁰. Один из авторов генплана В. Н. Коган отмечал: «В новом Уренгое остро ощущается дефицит общедоступных зеленых насаждений в закрытых помещениях. В соответствии со строительными нормами в этом проекте уже предусмотрены специальные зимние сады. Между тем зеленые насаждения можно разместить и в первых этажах отдельных жилых домов, расположенных на участках улиц с интенсивным пешеходным движением»²¹.

В итоге генпланы 1980-х годов отличались повышенным вниманием к озеленению и благоустройству территорий. Не исключено, что такая тенденция была реакцией на усиливающееся загрязнение окружающей среды в процессе нефтегазового освоения Севера Тюменской области [Стась, 2017, с. 99]. По мнению историка Игоря Стася, во второй половине 1980-х годов в архитектурно-градостроительном сообществе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) последовало доминирование «экологического дискурса» [Там же, с. 101], и потому вопросы сохранения уязвимой природы Севера играли значительную роль при разработке генпланов городов нефтяников и газовиков.

Генеральные планы Нового Уренгоя 1974, 1979, 1982, 1987 годов демонстрируют эволюцию подходов к планированию города, обусловленных адаптацией к природно-климатической специфике региона. Если первые генпланы 1970-х годов больше характеризовались особой планировкой и проектами возведения зданий в «северном исполнении», то проекты 1980-х годов уже стали включать в себя системы улиц-пассажей и крытых галерей, отдельно стал выделяться центр будущего города, также была сформирована концепция

19. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 4.

20. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Д. 306. Л. 114.

21. Новый Уренгой в третьем тысячелетии // Правда Севера. 1988. 25 февраля. № 23.

зеленых рекреационных зон в городской черте. С нашей точки зрения, такое изменение подхода к проектированию арктического города и поворот к человеку и экологии свидетельствует о серьезном дискурсивном сдвиге в архитектурно-планировочной документации Нового Уренгоя. Вероятно, подобная эволюция градостроительного дискурса была характерна не только при генпланировании городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Стась, 2017, с. 101], но и в целом при разработке генпланов во всей стране.

Несмотря на то что частая смена генпланов была типичным явлением в практике советского градостроительства, случай Нового Уренгоя кажется весьма уникальным. Бывший главный архитектор Тюменской области Анатолий Отраднов вспоминал: «За 13 лет генеральный план Уренгоя корректировался 4 раза. В 1974 году институт «Гипрогор» разработал генеральный план города на 30 тыс., в 1979 году – на 70 тыс., в 1982 году – на 160 тыс., в 1987 году – на 200 тыс. человек» [Отраднов, 2004, с. 215]. С одной стороны, следует согласиться с известным городским историком Марком Мееровичем, поскольку источники напрямую указывают, что перерасчеты численности населения городов выступали основным обоснованием корректировки генпланов. С другой – важно учитывать региональный контекст, в рамках которого постоянная разработка новых генпланов могла обуславливаться меняющимся сценарием программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, историк В. Л. Некрасов пишет, что «в 1970-е годы управление развитием ЗСНГК происходило в режиме скорее прямого реагирования, чем перспективного планирования» [Некрасов, 2008, с. 259].

Следуя интерпретации ДеХаан, смеем предположить, что сама концепция развития «по плану» являлась больше образом социалистической жизни, а не ее сутью [DeHaan, 2013, p. 12]. Как разработка концепции строительства нефтегазового комплекса, так и планирование города газовиков по своей природе были живым и творческим процессом, где городское развитие проходило вне линейной и механизированной логики. Стремительное развитие нефтегазовой отрасли зачастую требовало изменений и новых адаптаций внутри архитектурно-планировочных проектов городов-новостроек Тюменского Севера 1960–1980-х годов.

В данном случае суть феномена незавершенности и нереализованного градостроительного проекта выражается в двойственности процесса планирования и застройки города. В целом ни один из планов города так до конца и не был реализован. Возможно, что воплощению замыслов архитекторов препятствовали стихийное строительство²², отсутствие местной базы строительной индустрии, удаленность Нового Уренгоя от промышленных центров Советского Союза, специфика климатических условий региона и т.д. [Отраднов, 2004, с. 213]. Также нельзя исключать факт неопределенного юридического статуса генеральных планов. Например, историк Игорь Стась указывает на то, что «большинство генпланов городов не подтверждались общесоюзными и республиканскими законами» [Стась, 2013б, с. 135]. Одновременно с этим несоответствие планов и реальности в большинстве своем может легко объясняться неравным соотношением сил и объемов городского строительства, намеченных в проектах развития города [Мурзин, 1998, с. 72].

Мы же хотим подчеркнуть, что категория «незавершенности» не отражает в полной мере степень оценки осуществления градостроительного проекта. Постоянная незавершенность, подталкивающая к корректировке генпланов, скорее показывает феномен практики советского планирования и образа жизни в городском строительстве в СССР, основанном на импровизации и перформансе. Исходя из этого, архитектурно-планировочное развитие Нового Уренгоя и его градостроительного дискурса в 1970–1980-е годы отражает общие закономерности и тенденции, характерные для процесса социалистической урбанизации.

Источники

- Бон Т. (2013) «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Пер. Е. Слепович. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН).
- Бугров К. Д. (2023) Столичная идентичность и градостроительное развитие Екатеринбурга (конец XIX – начало XXI в.) // Уральский исторический вестник. Vol. 80. № 3. С. 17–27.
- Вайтенс А. Г. (2006) Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI века. Опыт исторического исследования. Обнинск: Институт муниципального управления.

22. Архив города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 129.

- Думчиков А.А., Пименова К.Д. (2023) Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства//*Quaestio Rossica*. Vol. 11 № 4. С. 1445–1463.
- Думчиков А.А. (2023) Разработка генерального плана Свердловска в 1930-е гг.: проблемы и особенности//*Уральский исторический вестник*. Vol. 80. № 3. С. 37–44.
- Духанов С.С. (2017) Проблемы «Недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг.//*Сибирские исторические исследования*. №2. С. 38–55.
- Ильченко М.С. (2016) Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг.//*Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3. С. 55–71.
- Ильченко М.С. (2017) Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов//*Сибирские исторические исследования*. № 2. С. 56–79.
- Калеменева Е.А. (2017) Северный климат как «враг» и как ресурс в советских урбанистических проектах арктических городов 1940-х гг.//*Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. Vol. 51. № 6. С. 89–95.
- Карпов В.П., Колева Г.Ю. (2011) От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. Тюмень: ТЮМГНГУ.
- Колева Г.Ю. (2007) Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы//*Вестник Тюменского государственного университета*. № 1. С. 237–244.
- Колева Г.Ю., Колев Ж.М. (2022) Газовая промышленность Тюменской области: от Березовского до Медвежьего: монография. Тюмень: ТИУ.
- Коньшева Е.В. (2008) Генеральные планы советского Челябинска (1936, 1947, 1967): диалог сквозь десятилетия//*Город в зеркале генплана: панорама. градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI века*/Под ред. Е.В. Коньшева, С.А. Баканов, Л.В. Никитина. Челябинск: Изд-во ЧГПУ. С. 223–253.
- Корнилов Г.Г. (2011) Особенности формирования поселенческой сети ЯНАО в период активного промышленного освоения (1970–1980-е гг.)//*Проблемы модернизации Сибирского Севера: Сборник научных трудов*/Под ред. В.П. Карпов. Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет. С. 92–100.
- Косенкова Ю.Л. (2018) Представления о будущей организации градостроительства в первые годы советской власти//*Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.*/Под ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 19–30.
- Меерович М.Г. (2018) Межведомственная борьба внутри государственной системы проектного дела в СССР//*Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.*/Под ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 2. С. 919–941.
- Мурзин В.В. (1998) Прикосновение к Уренгюю. М.: Поликом-Росс, 1998. С. 72.
- Мылова Ю.А., Крадин Н.П. (2014) Специфика формирования архитектурно-градостроительной среды советского города середины XX в. (на примере г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровский край)//*Баландинские чтения*. Vol. № 8. № 1. С. 359–367.
- Некрасов В.Л. (2008) Долгосрочная комплексная программа развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: исторический аспект//*Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов II региональной молодежной научной конференции*/А.К. Кириллов (ред.). Новосибирск. С. 255–262.
- Отрадных А.Н. (2004) Города, как люди//*Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн. Кн. 2: Антология*. М.: Российский Союз нефтегазостроителей.
- Старостенко Ю.Д. (2018) Проблема ансамбля в советском градостроительстве 1920–1930-х гг. в теории и на практике//*Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.*/Под ред. Ю. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 327–366.
- Стась И.Н. (2013а) Борьба интересов в градостроительном освоении нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960–1970-е гг.)//*Вестник Томского государственного университета*. № 375. С. 102–105.
- Стась И.Н. (2013б) Генеральные планы городов нефтяников в ретроспективе градостроительной политики Тюменской области//*Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: материалы третьей научно-практической конференции, город Сургут, 26–29 ноября 2013 г.: [посвящ. 50-летию МБУК «Сургутский краеведческий музей»]* в 2 ч. Ч. 2/Под общ. ред. Т.А. Исаевой. Сургут: Изд.-полиграф. комплекс. С. 130–137.
- Стась И.Н. (2014) Города или гостиницы? Вопрос о строительстве городов газовиков в Ямало-Ненецком округе в конце 1960-х гг.//*Арктика и Север*. №16. С. 132–143.
- Стась И.Н. (2017) Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.)//*Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. № 6 (51). С. 96–103.
- Трутнев А.В. (1989) Энергия века. М.: Недра. С. 149.
- Фейгина Э.Я. (1968) Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера//*Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газонасыщенных районах Тюменской области. 26–28 июня 1968 г. [Тезисы докладов]*. Тюмень. С. 21.
- Яковлева Г.Н. (2018) Три проекта реконструкции Москвы (1918–1925)//*Советское градостроительство 1917–1941: в 2 кн.*/Под ред. Ю. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция. Кн. 1. С. 273–326.
- Crawford Ch. (2022) *Spatial Revolution: Architecture and Planning in the Early Soviet Union*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- DeHaan H. (2013) *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power*. Toronto: University of Toronto Press.
- Engel B., Hein C. (ed.) (2022) *The Concept of the Socialist City: Plans and Patterns of*

- Soviet Urbanism//International Planning History Society Proceedings, 19th IPHS Conference, City-Space-Transformation, TU Delft, 5-6 July, 2022, TU Delft Open. P. 663-678.
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. London: Bloomsbury Publishing.
- Kalmeneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Experimentation in Arctic Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North//Europe-Asia Studies. Vol. 71. № 3. P. 426-449.
- Milojevic B., Kuvac I. (2023) Recognizing Principles of Integrated Urban Planning in Historical Development of the City: A Case Study of Banja Luka//Journal of Urban History. Vol. 49. № 2. P. 290-308.
- Otrishchenko N. (2023) Urban Planners Between Secrecy, Automation, and Human-Centered Design: Visions of Environment Management in Late Soviet City//European Review of History: Revue européenne d'histoire. Vol. 30. № 2. P. 257-277.
- Sammartino A. (2023) The Socialist City of Tomorrow in Retrospect//Journal of Urban History. Vol. 49. № 6. P. 1404-1409.
- Steinberg M.D. (2021) The New Socialist City: Building Utopia in the USSR, 1917-1934//International Critical Thought. Vol 11. № 3. P. 427-449.
- Tandarić N. (2019) Urban planning in socialist Croatia//Hrvatski Geografski Glasnik. Vol. 81. № 2. S. 5-41.
- A DIVIDED CITY: GENERAL PLANS AND REALITY IN THE DEVELOPMENT OF NOVY URENGOY IN THE 1970S-1980S**
- Maxim S. Mochalin, post-graduate student of the Department of History, University of Tyumen (UTMN), 6 Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russian Federation. E-mail: mochaln732@mail.ru
- This article reveals the evolution of the general plans of the city of Novy Urengoy in the 1970s and 1980s. The work outlines the main perspectives on urban planning under socialism and the problem of the incomplete construction of Soviet cities. Relying primarily on the interpretation of urban planning in the USSR as an act of performance, the author shows the frequent adjustments to the master plans of Novy Urengoy. From the point of view of Soviet designers, the development of new master plans was conditioned by recalculations of the city's population. However, the author emphasizes that the constant incompleteness, pushing for the adjustment of general plans, was a manifestation of the practice and lifestyle in urban construction and planning, a phenomenon of constant improvisation. The article also shows the evolution of urban planning discourse in the design of Novy Urengoy, where the turn towards people and ecology increased over time. However, the contradiction between the city's projects, which implied multistorey capital buildings and landscaping, and the real natural environment of a city of gas workers was not overcome.
- Keywords:** Novy Urengoy; general plan; Giprogor; urban planning; urban planning
- Citation:** Mochalin M.S. (2024) A Divided City: General Plans and Reality in the Development of Novy Urengoy in the 1970s-1980s. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 121-133. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp942024121-133> (in Russian)
- References**
- Bon T. (2013) "Minskiy fenomen". Gorodskoe planirovanie i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroy mirovoy voyny [The "Minsk Phenomenon": Urban Planning and Urbanization in the Soviet Union After World War II]/Transl. by E. Slepovich. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (in Russian)
- Bugrov K.D. (2023) Stolichnaya identichnost' i gradostroitel'noe razvitiye Yekaterinburga (konets XIX – nachalo XXI v.) [Metropolitan Identity and Urban Development of Yekaterinburg (Late 19th – Early 21st Century)]. *Uralskiy istoricheskii vestnik*, vol. 80, no 3, pp. 17-27. (in Russian)
- Crawford Ch. (2022) Spatial Revolution: Architecture and Planning in the Early Soviet Union. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- DeHaan H. (2013) Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power. Toronto: University of Toronto Press.
- Dukhanov S.S. (2017) Problemy "Nedostroennogo goroda" v Zapadnoy Sibiri 1930-kh gg. [The Issues of the "Unfinished City" in Western Siberia in the 1930s]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, no 2, pp. 38-55. (in Russian)
- Dumchikov A.A., Pimenova K.D. (2023) Nerealizovanny gigant mashinostroeniya na Urale: mobilizatsionnaya politika i praktika stroitel'stva [An Unrealized Giant of Mechanical Engineering in the Urals: Mobilization Policy and Construction Practices]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no 4, pp. 1445-1463. (in Russian)
- Dumchikov A.A. (2023) Razrabotka general'nogo plana Sverdlovsk v 1930-e gg.: problemy i osobennosti [The Development of Sverdlovsk's Master Plan in the 1930s: Issues and Features]. *Uralskiy istoricheskii vestnik*, vol. 80, no 3, pp. 37-44. (in Russian)
- Engel B., Hein C. (ed.) (2022) The Concept of the Socialist City: Plans and Patterns of Soviet Urbanism. *International Planning History Society Proceedings*, 19th IPHS Conference, City-Space-Transformation, TU Delft, 5-6 July, 2022, TU Delft Open, pp. 663-678.
- Feigina E.Ya. (1968) Problemy rasseleniya i planirovki naselyonnykh punktov rayonav Tyumenskogo Severa [Problems of Settlement and Planning of Settlements in the Tyumen North Regions]. *Nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya po problemam gradostroitel'stva v gazonosnykh rayonakh Tyumenskoy oblasti*. 26-28 iyunya 1968 g. [Theses of Reports]. Tyumen, p. 21. (in Russian)
- Hemmersam P. (2021) Making the Arctic City: The History and Future of Urbanism in the Circumpolar North. London: Bloomsbury Publishing.

- Il'chenko M.S. (2017) Nezavershennyy projekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-kh gg.: opyt sotsialisticheskikh gorodov [The Unfinished Project as a Perception of Soviet Urban Planning in the 1920s–1930s: The Experience of Socialist Cities]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, no 2, pp. 56–79. (in Russian)
- Il'chenko M.S. (2016) Opyt Uralmasha v arkhitekture sovetskogo avangarda: gradostroitel'nyy eksperiment 1920–1930-kh gg. [The Uralmash Experience in Soviet Avant-Garde Architecture: An Urban Planning Experiment of the 1920s–1930s]. *Quaestio Rossica*, vol. 4, no 3, pp. 55–71. (in Russian)
- Kalmeneva E. (2019) From New Socialist Cities to Thaw Townscapes: Leningrad Architects Attempt to Modernise the Soviet North. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 3, pp. 426–449.
- Kalmeneva E.A. (2017) Severnyy klimat kak "vrag" i kak resurs v sovetskikh urbanisticheskikh proyektakh arkticheskikh gorodov 1940-kh gg. [The Northern Climate as an "Enemy" and a Resource in Soviet Urban Planning Projects for Arctic Cities of the 1940s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 51, no 6, pp. 89–95. (in Russian)
- Karpov V.P., Koleva G.Yu. (2011) Ot Berezovo do Yamburga: 45 let gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri [From Berezovo to Yamburg: 45 Years of the Gas Industry in Western Siberia]. Tyumen: TyumGNGU. (in Russian)
- Koleva G.Yu. (2007) Stroitel'stvo gorodov v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya v 1960–1980-e gody [City Building in the Areas of New Industrial Development in the 1960s–1980s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1, pp. 237–244. (in Russian)
- Koleva G.Yu., Kolev Zh.M. (2022) Gazovaya promyshlennost' Tyumenskoy oblasti: ot Berezovskogo do Medvezhego: monografiya [The Gas Industry of the Tyumen Region: From Berezovskoye to Medvezheye: A Monograph]. Tyumen: TIU. (in Russian)
- Konyisheva E.V. (2008) General'nye plany sovetskogo Chelyabinska (1936, 1947, 1967): dialog skvoz' desyatiletiya [Master Plans of Soviet Chelyabinsk (1936, 1947, 1967): A Dialogue Across Decades]. *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh proyektov v rossiyskoy provintsii XVIII–nachala XXI vekov* [The City in the Mirror of the Master Plan: A Panorama of Urban Planning Projects in Russian Provinces from the 18th to the Early 21st Century]/Ed. by E.V. Konyisheva, S.A. Bakanov, L.V. Nikitina. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChGPU, pp. 223–253. (in Russian)
- Kornilov G.G. (2011) Osobennosti formirovaniya poselencheskoy seti YNAO v period aktivnogo promyshlennogo osvoeniya (1970–e–1980-e gg.) [Features of the Formation of the Settlement Network of Yamal-Nenets Autonomous Okrug During the Active Industrial Development (1970s–1980s)]. *Problemy modernizatsii Sibirskiy Severa: Sbornik nauchnykh trudov* [Problems of the Modernization of the Siberian North: A Collection of Scientific Works]/Ed. by V.P. Karpov. Tyumen: Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet, pp. 92–100. (in Russian)
- Kosenkova Yu.L. (2018) Predstavleniya o budushchey organizatsii gradostroitel'stva v pervyye gody sovetskoy vlasti [Concepts of Future Urban Planning in the Early Years of Soviet Power]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: v 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 vols.]/Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 19–30. (in Russian)
- Meerovich M.G. (2018) Mezhdomstvennaya bor'ba vnutri gosudarstvennoy sistemy projektnoy dela v SSSR [Interdepartmental Struggles Within the State System of Project Affairs in the USSR]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: V 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 vols.]/Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 2, pp. 919–941. (in Russian)
- Milojevic B., Kuvac I. (2023) Recognizing Principles of Integrated Urban Planning in Historical Development of the City: A Case Study of Banja Luka. *Journal of Urban History*, vol. 49, no 2, pp. 290–308.
- Murzin V.V. (1998) Prikosnovenie k Urengoyu [Touching Upon Urengoy]. Moscow: Polikom-Ross, 1998, p. 72. (in Russian)
- Mylova Yu.A., Kradin N.P. (2014) Spektifika formirovaniya arkhitekturno-gradostroitel'noy sredy sovetskogo goroda serediny XX v. (na primere g. Komsomol'ska-na-Amure, Khabarovskiy kray) [Specificity of Forming the Architectural and Urban Environment of the Soviet City in the Mid-20th Century (The Example of Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai)]. *Balandinskiye chteniya*, vol. 8, no 1, pp. 359–367. (in Russian)
- Nekrasov V.L. (2008) Dolgosrochnaya kompleksnaya programma razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa: istoricheskiy aspekt [Long-Term Comprehensive Development Program for the Western Siberian Oil and Gas Complex: A Historical Perspective]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: sbornik materialov II regional'noy molodyozhnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects: Proceedings of the II Regional Youth Scientific Conference]/Ed. by A.K. Kirillov. Novosibirsk, pp. 255–262. (in Russian)
- Otradinov A.N. (2004) Goroda, kak lyudi [Cities as People]. *Neftegazostroiteli Zapadnoy Sibiri: v 2 kn. Kn. 2: Antologiya* [Oil and Gas Builders of Western Siberia: In 2 Vols. Vol. 2: An Anthology]. Moscow: Rossiyskiy Soyuz neftegazostroiteley. (in Russian)
- Otrishchenko N. (2023) Urban Planners Between Secrecy, Automation, and Human-Centered Design: Visions of Environment Management in Late Soviet City. *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 30, no 2, pp. 257–277.
- Sammartino A. (2023) The Socialist City of Tomorrow in Retrospect. *Journal of Urban History*, vol. 49, no 6, pp. 1404–1409.
- Starostenko Yu.D. (2018) Problema ansamblya v sovetskom gradostroitel'stve 1920–1930-kh gg. v teoretike i na praktike [The Problem of the Ensemble in Soviet Urban Planning of the 1920s–1930s: Theory and Practice]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941: V 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 Vols.]/Ed. by Yu. Kosenkov. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 327–366. (in Russian)
- Stas' I.N. (2013a) Bor'ba interesov v gradostroitel'nom osvoenii nefteobnyayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1960–1970-e gg.) [Conflict of Interests in Urban Development of Oil-Producing Regions in

- Western Siberia (1960s–1970s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 375, pp. 102–105. (in Russian)
- Stas' I.N. (2013b) General'nye plany gorodov neftyannikov v retrospektive gradostroitel'noy politiki Tyumenskoy oblasti [Master Plans of Oil Cities in Retrospective of the Urban Policy of the Tyumen Region]. *Zapadnaya Sibir' v akademicheskikh i muzeinnykh issledovaniyakh: materialy tret'ey nauchno-prakticheskoy konferentsii, gorod Surgut*, 26–29 noyabrya 2013 g.: [posvyashch. 50-letiyu MBUK "Surgutskiy kraevedcheskiy muzey"] [Western Siberia in Academic and Museum Studies: Proceedings of the Third Scientific-Practical Conference, Surgut, November 26–29, 2013: Dedicated to the 50th Anniversary of the MBUK "Surgut Local History Museum"] / Ed. by T.A. Isaeva. Surgut: Izdatel'stvo-Poligraf. Kompleks, vol. 2, part 2, pp. 130–137. (in Russian)
- Stas' I.N. (2014) Goroda ili gostinitsy? Vopros o stroitel'stve gorodov gazovikov v Yamalo-Nenetskom okruge v kontse 1960-kh gg. [Cities or Hotels? The Issue of Building Gas Worker Cities in the Yamal-Nenets Autonomous District in the Late 1960s]. *Arktika i Sever*, no 16, pp. 132–143. (in Russian)
- Stas' I.N. (2017) Kontseptsii ozeleeniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.) [Concepts of Greening and Environmental Issues in Soviet Master Plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 51, no 6, pp. 96–103. (in Russian)
- Steinberg M.D. (2021) The New Socialist City: Building Utopia in the USSR, 1917–1934. *International Critical Thought*, vol. 11, no 3, pp. 427–449.
- Tandarić N. (2019) Urban Planning in Socialist Croatia. *Hrvatski Geografski Glasnik*, vol. 81, no 2, pp. 5–41.
- Trutnev A.V. (1989) *Energiya veka* [Energy of the Century]. Moscow: Nedra, p. 149. (in Russian)
- Vaytens A.G. (2006) Razvitie pravovykh osnov gradostroitel'stva v Rossii XVIII–nachala XXI veka. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Development of Legal Foundations for Urban Planning in Russia from the 18th to the Early 21st Century: A Historical Study]. Obninsk: Institut munitsipal'nogo upravleniya. (in Russian)
- Yakovleva G.N. (2018) Tri proekta rekonstruktsii Moskvy (1918–1925) [Three Projects for the Reconstruction of Moscow (1918–1925)]. *Sovetskoe gradostroi-*
- tel'stvo 1917–1941: v 2 kn.* [Soviet Urban Planning 1917–1941: In 2 Vols.] / Ed. by Yu. Kosenkov. Moscow: Progress-Traditsiya, vol. 1, pp. 273–326. (in Russian)